

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499_9679_2024_1_36_8

EDN: SYWUFT

Вторая (Мономахова) редакция «Повести временных лет» как исток русской литературы

Герман Юрьевич Филипповский

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
fil.gerr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Аннотация. Статья фокусирует внимание на Мономаховой (второй, по классификации академика А. А. Шахматова) редакции «Повести временных лет» (1116/1117) с точки зрения её особой значимости и значительности в развитии литературы Руси и вообще русской литературы. Исходя из работ акад. А. А. Шахматова, М. Д. Присёлкова и акад. Д. С. Лихачёва, популярная в русской историографии Несторова редакция ПВЛ (по принятой классификации, первая) признана гипотетической, в особенности, в отношении авторства Нестора, монаха Киево-Печерского монастыря в Киеве. В то же время II (Мономахова) редакция ПВЛ хорошо документирована списком 1377 года Лаврентьевской летописи с финальной записью Сильвестра, игумена Михайло-Выдубецкого монастыря в Киеве. Мономахова редакция ПВЛ, с которой работал сам князь («Поучение»), игумен Василий («Повесть об ослеплении князя Василька Ростиславича»), игумен Сильвестр (то есть целая команда авторов-писателей), вобрала в себя практически всё предшествующее киевское летописание XI века (особенно своды Никона Великого и Иоанна), но критически переработала материалы Нестора. Редакция ПВЛ Нестора создавалась в начале XII века под патронажем Святополка Изяславича, великого киевского князя, враждебного Мономаху. Поэтому литературные тексты эпохи Мономаха в ПВЛ полны драматизма, похожи на произведения современной литературы детективного жанра (например, сюжет «преступления и наказания»).

Именно здесь зародилось национально-литературное сюжетное повествование (О. В. Творогов). Мономахова редакция представляет целый пласт авторской литературной работы, легшей в фундамент развития русской литературы. «Слово о Законе и Благодати» Илариона – выдающийся текст эпохи Ярослава Мудрого, сюжет которого – приобщение Руси к системе мирового христианства. Мономахова редакция ПВЛ XII века также базовая, но её авторы-писатели отдавали себе отчёт в том, что их литературные тексты обращены не только к библейско-христианским, но, прежде всего, к своеземным образно-художественным ценностям и приёмам. Они понимали, что создают не просто хронику, но первую базовую литературно-историческую эпопею начальной Руси у истоков, основ будущего развития великой русской литературы. Такие учёные, как В. П. Адрианова-Перетц, В. Л. Комарович, Д. С. Лихачёв, много работали по теме ПВЛ, особый акцент делали на её народно-легендарные, народно-фольклорные черты, составившие её выдающееся своеобразие.

Ключевые слова: «Повесть временных лет»; вторая (Мономахова) редакция; игумен Сильвестр; игумен Василий; «Поучение» Владимира Мономаха; «Повесть об ослеплении князя Василька Ростиславича»; литературно-историческая эпопея Руси; академик А. А. Шахматов; академик Д. С. Лихачёв; О. В. Творогов; возникновение сюжетного повествования; истоки русской литературы

Для цитирования: Филипповский Г. Ю. Вторая (Мономахова) редакция «Повести временных лет» как исток русской литературы // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 1 (36). С. 8–19. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2024_1_36_8. <https://elibrary.ru/SYWUFT>

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Second (Monomakh) edition of the Tale of Bygone Years as the origin of russian literature

German Yu. Filippovsky

Doctor of philological sciences, professor at the department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
fil.gerr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Abstract. The article focuses on the Monomakh edition of the Tale of Bygone Years (1116/1117) (the second one, according to academician A. A. Shakhmatov's classification) from the point of view of its special significance and importance in the evolution of the Rus' literature and Russian literature in general. According to academicians A. A. Shakhmatov, D. S. Likhachev, and M. D. Prisyolkov, Nestor's edition of the TBY (the first one according to the accepted classification), popular in Russian historiography, is recognized as hypothetical, especially with regard to the authorship of Nestor, a monk of the Kiev-Pechersk monastery in Kiev. At the same time the second (Monomakh's) edition of the TBY is well documented by the 1377 copy of the Laurentian Chronicle with the final record by Sylvester, hegumen of the Mikhail-Vydubetsky monastery in Kiev. Monomakh's edition of the TBY, with which a whole team of authors-writers worked including the prince himself («Instruction»), hegumen Vasily («The Tale of the Blinding of Prince Vasilk Rostislavich») and hegumen Sylvester, absorbed almost all the previous Kievan chronicles of the XI century (especially the writings of Nikon the Great and Ioannes), but revised Nestor's materials critically. Nestor's TBY edition was created in the early XII century under the patronage of Svyatopolk Izyaslavich, the great Kiev prince, hostile to Monomakh. Therefore literary texts of Monomakh's time in the TBY are full of dramatism and are similar to modern detective literature (for example, the plot of «crime and punishment»).

It was here that the national literary narrative (O. V. Tvorogov) was born. Monomakh's edition presents a whole layer of authorial literature that formed the foundation for the Russian literature evolution. Hilarion's Word on Law and Grace is an outstanding text from the time of Yaroslav the Wise, the plot of which is Russia's accession to the system of world Christianity. Monomakh's edition of the XII century TBY is also fundamental, but its authors-writers realized that their literary texts are addressed not only to biblical-Christian, but, first of all, to their native artistic values and methods. They realized that they were creating not just a chronicle, but the first basic literary-historical epic of the early Rus at the roots, the beginnings of the future development of Great Russian literature. Such scientists as V. P. Adrianova-Peretz, V. L. Komarovich, D. S. Likhachev worked hard on TBY, emphasized its national legends and folklore features, which constituted its outstanding originality.

Key words: Tale of Bygone Years; the second (Monomakh's) edition; hegumen Sylvester; hegumen Vasily; Instruction by Vladimir Monomakh; The Tale of the Blinding of Prince Vasilk Rostislavich; literary-historical epic of Rus; academician A. A. Shakhmatov; academician D. S. Likhachev; O. V. Tvorogov; the emergence of narrative story; the origins of russian literature

For citation: Filippovsky G. Yu. Second (Monomakh) edition of the Tale of Bygone Years as the origin of russian literature. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2024;(1):8–19. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2024_1_36_8. <https://elibrary.ru/SYWUFT>

Введение

Спрашивается, почему исток русской литературы не соотнести, например, с великим «Словом о Законе и Благодати» киевского митрополита-русина Илариона (первая половина XI в.) [Библиотека, Т. 1, 1997, с. 26–61] или, также авторским «Житием Феодосия Печерского» киевского черноризца Нестора (конец XI – начало XII века) [Библиотека, Т. 1, 1997, с. 352–433]? Действительно, как и следует литературным текстам, оба произведения – авторские и письменные по своей природе. Оба принадлежат к различным

литературным жанрам и, безусловно, повлияли на процессы возникновения самой ранней русской литературы [Библиотека, Т. 1, 1997, с. 7–24]. Но это были скорее провозвестники её, ещё не сама эта ранняя русская литература как таковая. К таким же провозвестникам русской литературы можно отнести и ранние редакции житий Бориса и Глеба [Библиотека, Т. 1, 1997, с. 328–351], включая «Чтение» Нестора. Сюда же относятся и поучения новгородского архиепископа первой половины XI века Луки Жидяты и целый ряд книжно-письменных памятников Руси XI века,

например знаменитая рукопись «Остромирова Евангелия» 1055/1056 годов. Собственно возникновение русской литературы следует связать с появлением в начале XII века грандиозной литературно-исторической эпопеи ранней Руси «Повести временных лет» [Библиотека, Т. 1, 1997, с. 62–315], массива литературных текстов, составивших подлинный фундамент всей последующей светской русской литературы (хотя основными авторами-составителями были монахи (игумены). Кроме того, здесь был создан фундамент сложной и богатой жанровой системы грядущей русской литературы. Например, по верному наблюдению академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва текстом «Повести временных лет» вдохновлялся в начале XIII века великий автор «Слова о полку Игореве» [Филипповский, 2008, с. 83], а в начале XIX века – А. С. Пушкин с его «Песнью о вещем Олеге», а далее в XIX веке – Л. Н. Толстой («Война и мир») и Ф. М. Достоевский («Преступление и наказание»).

Решающее слово в научном изучении «Повести временных лет», как основополагающего древнерусского литературного текста, принадлежит академику Алексею Александровичу Шахматову. Он обобщил ряд своих научных статей в книге «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (СПб., 1908), а затем в работе «Повесть временных лет» (Т. 1, Пгр., 1916). Труды А. А. Шахматова выдержали испытание временем, переизданы неоднократно [Шахматов, 2001]. По данным проблемам важное слово сказал Д. С. Лихачёв. Речь идёт о его капитальном двухтомнике 1950 года в серии «Литературные памятники» (первый том – научное издание текстов «Повести временных лет», второй том – научные статьи и комментарии) [Лихачёв, 1950]. Следует упомянуть и его же работу на данную тему в книге «Великое наследие» 1975 года [Лихачёв, 1975, с. 22–111]. Названные работы опирались на защищённую в 1947 году докторскую диссертацию Д. С. Лихачёва по русскому летописанию (издана в его же монографии 1947 года «Русские летописи и их культурно-историческое значение») [Лихачёв, 1947]. Помимо трудов А. А. Шахматова, Д. С. Лихачёв опирался на некоторые положения работ его первых научных руководителей академика Б. Д. Грекова, а также филолога В. П. Адриановой-Перетц [Адрианова-Перетц, 1941, с. 257–288], историка М. Д. Присёлкова [Присёлков, 1940, с. 16–44; 104–168] и литературоведа В. Л. Комаровича [Комарович, 1941, с. 258–284].

Результаты исследования

Важный вопрос: почему в заглавие настоящей статьи вынесена II редакция «Повести временных лет» (далее ПВЛ), а не первая (что, как будто, было бы естественно)? Вопрос оказывается принципиальным, и ответ на него нужно искать, в частности, в работах Д. С. Лихачёва (конечно, и А. А. Шахматова, а также М. Д. Присёлкова и В. Л. Комаровича). Прежде всего, выясняется, что текст I редакции ПВЛ, как таковой, до нас не дошёл. Об этом пишут и Д. С. Лихачёв [Лихачёв, 1950, с. 5–148], и О. В. Творогов [Творогов, 1976, с. 3–26], автор многих важных исследовательских и словарных статей по ПВЛ [Творогов, 1987, с. 337–343]. Вместе с тем, очень важно всё, что связано с этой первой редакцией ПВЛ, которая традиционно приписывается киево-печерскому монаху Нестору, автору жития Феодосия Печерского (его авторство первой редакции ПВЛ до сих пор и всеми учёными признаётся проблемным, то есть гипотетичным). Иными словами, первая редакция ПВЛ как бы существовала, фрагменты её текста обсуждаются в науке, но этот текст столь же в реальности гипотетичен, сколь и его авторство, приписываемое Нестору. Вместе с тем, есть определённые позиции, по которым Нестор, как автор I редакции ПВЛ, признаётся почти единодушно. Первая из этих позиций: связь I, Несторовой редакции ПВЛ с заказом и покровительством великого Киевского князя Святополка Изяславича.

Ранее 1098 года такой ситуации не существовало, потому что до этого киево-печерское летописание было резко оппозиционно к великому Киевскому князю Святополку. Работы А. А. Шахматова [Шахматов, 2001] и всех его последователей установили существование так называемого Начального свода (или Начальной летописи), созданного в 1093–1096 г. киево-печерским монахом Иоанном. Именно этот свод был критичен или даже оппозиционен к князю Святополку. Заслуга А. А. Шахматова состоит в том, что он выявил и доказал, что «Повести временных лет» предшествовали не один, а даже два киево-печерских свода. Первый из них (и это подтвердила вся позднейшая наука) принадлежал монаху, а позднее игумену Киево-Печерского монастыря Никону, которого Нестор в тексте жития Феодосия Печерского назвал Никон Великий. Повторим, и А. А. Шахматов, и М. Д. Присёлков, и Д. С. Лихачёв признали существование и работу игумена Никона, автора I Киево-Печерского летописного свода 1073–1075 годов. Характерно,

что Никон Великий, как летописец и как ведущая фигура в Киево-Печерской лавре (наряду с Антонием и Феодосием Печерскими), занимал независимую позицию по отношению к великокняжеской власти в Киеве, к князьям Святославу, а затем Изяславу Ярославичам. По причине этих противоречий Никон был вынужден дважды бежать из Киева в Тмуторокань (первый раз в 1068 г. от Святослава, второй раз в 1073 г. от Изяслава). Подобного рода критичность к киевской власти подхватило и последующее киево-печерское летописание монаха Иоанна, Начальная летопись 90-х гг. XI века. Что ценно в текстологической работе А. А. Шахматова 1908 и 1916 г., – при публикации текста летописания Руси XI в. учёный разным шрифтом выделил тексты I Киево-Печерского свода Никона Великого и II Киево-Печерского свода Иоанна, Начальной летописи. Текстологическая работа А. А. Шахматова была поддержана и подхвачена в трудах М. Д. Присёлкова и Д. С. Лихачёва (выше уже говорилось о капитальном издании текста ПВЛ в 2-х томах, со статьями и комментариями, подготовленного в серии «Литературные памятники» [Лихачёв, 1950]. Новейшие издания ПВЛ под редакцией Д. С. Лихачёва и при участии О. В. Творогова вышли в первом томе 12-томной серии «Памятники литературы Древней Руси» в 1978 году [Памятники, 1978], и в первом томе 20-томной серии «Библиотека литературы Древней Руси» в 1997 году [Библиотека, Т. 1, 1997].

Уже приходилось писать [Филипповский, 2008, с. 70–82] о литературном мотиве возвращения в литературе Руси XII века. Он как бы «вырастает» из темы реальных возвращений Никона в Киев, Киево-Печерский монастырь после отмеченных выше побегов в Тмуторокань. На судьбы русского летописания повлияли и другие эпизоды биографии Никона. В частности, важное место в тексте I Киево-Печерского свода занимает событие Киевского восстания 1068 г. против великого князя Святослава, когда киевлянами был освобождён из заточения князь Всеслав Полоцкий и прославлен ими великим князем на княжеском дворе [Памятники, 1978, с. 184]. Мотив возвращения не только ляжет в основу сюжета гениальной поэмы начала XIII века «Слова о полку Игореве» (а затем и в последующей русской литературе), но и во II редакции ПВЛ (внесена в заглавие настоящей статьи). С точки зрения обсуждаемых материалов важно, что Начальная летопись Иоанна 1093–1095 г. не только была настроена оппозиционно к великому киевскому князю Свя-

тополку Изяславичу, но и опиралась всецело на I Киево-Печерский свод Никона (оппозиционный к великим киевским князьям Святославу и Изяславу). А. А. Шахматов, а за ним и другие учёные отмечают, как важный, факт примирения в 1098 г. великого князя Святополка Изяславича с Киево-Печерским монастырём (до того оппозиционным к великокняжеской власти). Это примирение стало толчком к появлению I редакции ПВЛ Нестора. Эта летопись, созданная под патронажем Святополка Изяславича и, естественно, лояльная к нему, во II редакции ПВЛ (Мономаховой) была полностью отредактирована (в силу не просто противоречий Мономаха и Святополка, но прямой враждебности в их отношениях). Отчасти из-за этого, как отмечалось, I редакция ПВЛ Нестора как бы растворилась, как таковая, не дошла до нас в первоначальном полном виде. И всё же Мономахова редакция ПВЛ сохранила и заглавие свода Нестора, и многие материалы I редакции ПВЛ, особенно относящиеся к ранней русской истории (например, тексты договоров Руси с греками князей Олега, Игоря и Святослава, представленные у Нестора в переводах с греческих текстов этих договоров) [Памятники, 1978, с. 46–52; 60–66; 86–88]. На фоне редакторской работы усилилась собственно-литературная составляющая коллектива авторов Владимира Мономаха, участвовавших в создании II редакции ПВЛ.

Эта Мономахова редакция ПВЛ сделала акцент не только на истоках, началах Руси, как Нестор, но на движении литературы Руси в XI – начале XII в., на создании подлинного фундамента, базы литературных материалов, а по сути фундамента всей последующей русской литературы. Здесь несомненно влияние главы этого коллектива, самого великого князя Владимира Мономаха, автора знаменитого «Поучения» [Библиотека, Т. 1, 1997, с. 456–475], вошедшего в состав II редакции ПВЛ (правда, некоторые учёные, например, М. Д. Присёлков, считали, что «Поучение» появилось в ПВЛ в III-й её редакции, сына Мономаха князя Мстислава Великого) [Присёлков, 1940, с. 104–168]. На фоне призрачности авторства ПВЛ Нестора особое значение приобретают знаки авторского труда коллектива Владимира Мономаха, например, летописное послесловие игумена Сильвестра, сохранившееся в конце рукописи Лаврентьевской летописи 1377 года: «Игумень Силивестръ святого Михаила написах книги си летописецъ, надеяся от Бога милость прияти, при князи Володимере, княжа-

ще ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у свягаго Михаила въ 6624, индикта 9 лета. А иже чтеть книги сия, то буди ми въ молитвахъ» [Памятники, 1978, с. 276]. Важно подчеркнуть, что Владимир Мономах, став великим князем в Кыеве в 1113 г. (после смерти Святополка Изяславича), распорядился перевести летописание из Киево-Печерского в свой княжой монастырь Михаило-Выдубицкий. Здесь между 1113 и 1116 годами и была составлена II редакция ПВЛ под эгидой и с участием самого Владимира Мономаха. Характерно, что в начале своего «Поучения» (внесено в ПВЛ под 1096 год) Мономах автобиографично называет себя: «Азь худый дедомъ своимъ Ярославомъ, благословеннымъ, славнымъ, нареченый въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимиръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мъномахы...» [Библиотека, 1997, Т. 1, с. 456].

Ключевым, но и самым драматичным в жизни княжеской Руси конца XI века, стал съезд князей в Любече 1097 года [Памятники, 1978, с. 248], организованный по инициативе Владимира Мономаха. Зависть великого князя Святополка Изяславича к умному, византийски образованному, инициативному Владимиру Мономаху выявилась вскоре после Любечского съезда в нарушении крестоцелования, клятвы князей в мире, любви и согласии. Святополк Изяславич с его подручным князем Давыдом Игоревичем Владимиро-Волынским предприняли преступное, без вины ослепление храброго Теребовльского князя Василька Ростиславича. А вместе с ним оклеветали, обвинили в сговоре против великого князя самого инициатора съезда Владимира Мономаха [Памятники, 1978, с. 248]. Это драматичное событие не только легло тёмным пятном на все междукняжеские отношения, но и стало ключевым сюжетом в литературной (и не только литературной) работе Владимира Мономаха. В начале своего «Поучения» Мономах говорит как раз об этом драматическом событии, что он остаётся верен (в отличие от Святополка и его подручных князей) крестоцелованию в Любече, клятве данной Богу [Библиотека. Т. 1, 1997, с. 456]. Всё «Поучение» – о верности христианским принципам в междукняжеских отношениях, о верховенстве христианской духовности в княжеской этике. И всё же (при всём литературном новаторстве несомненно выдающегося текста «Поучения» Мономаха) основным и самым крупным, значительным литературным вкладом во II Мономаховой редакции ПВЛ стала доста-

точно пространная и выдающаяся по своим литературным качествам «Повесть об ослеплении князя Василька Ростиславича» [Памятники, 1978, с. 218–262].

Автор этой повести на пространстве всего текста многократно обнаруживает себя ремарками и комментариями [Памятники, 1978, с. 250], которые показывают не только его осведомлённость, но и причастность (скорее всего, как посредника-переговорщика между князьями) к излагаемым событиям. Как другие члены Мономаховой команды литераторов-летописцев (сам Владимир Мономах и игумен Сильвестр), автор пространной повести о Васильке Ростиславиче называет своё имя, непосредственно вплавленное в текст произведения: «Василкови же сущю Володимери, на прежереченемъ месте, и **яко приближися постъ великий, и мне ту сущю, Володимери, въ едину ношь присла по мя князь Давыдь**. И приход к нему и седяху около его дружина, и посадивъ мя и рече ми: «Се молвилъ Василко си ночи к Уланови и Колчи, рекль тако: «Се слышу, оже идеть Володимеръ и Святополкъ на Давыда: да же бы мене Давыдь послушалъ, да бых послалъ мужъ свой к Володимеру воротиться, веде бо ся с ним что молвилъ, и не поидеть». **Да се, Василю, шлю тя, иди к Василкови, тезу своему**, с сима отрокома, и молви ему тако: «Оже хочещи послати мужъ свой, и воротится Володимеръ, то вдамъ ти которой ти городъ любь, любо Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемышль». **Азь же идох к Василкови, и поведах ему вся речи Давыдовы**. Он же рече: «Сего есмъ не молвилъ, но надеюся на Богъ. Пошлю к Володимеру, да быша не прольяхи мене ради крови...» [Памятники, 1978, с. 256]. Автор повести, как следует из приведённого текста, сообщает читателю своё имя – Василий, добавив при этом, что он тезка героя повести князя Василька Ростиславича. В этом же текстовом эпизоде он рассказывает, что, придя к герою в темницу, где он содержался под стражей в княжом городе Давида Игоревича Владимире Волынском, выслушивает от ослеплённого Василька исповедь о его жизни и его планах. Исповедь уместна, поскольку время действия Великий пост с его покаянным настроением. Василий явно духовное лицо, по нашему предположению не простой священник, а игумен. В своей исповеди герой поведал о бывших у него грандиозных военных планах, а сейчас, уже ослеплённый, он винит себя и свои амбиции в произошедшей трагедии, приходит к христианскому покаянию. Ге-

рой упрекает себя в гордыне, называя её «възвышенье» или «възнесенье»: «Но за мое възнесенье низложи мя Богъ и смири» [Памятники, 1978, с. 258]. По сути, автор снижает образ своего героя, тем более, что в финальных эпизодах повести прямо говорится о неправедных местах Василька, который вымещал свою обиду на людях неповинных (о чём прямо говорит авторский текст, приводя библейские цитаты) [Памятники, 1978, с. 260].

Третья кульминация повести вся посвящена Владимиру Мономаху [Памятники, 1978, с. 254–256], его драматической реакции на произошедшее ослепление («Что се зло створилъ еси в Русьстей земли и ввергль еси ножъ в ны?») [Памятники, 1978, с. 254]. Мономах показан радетелем за Русскую землю, наделён идеальной характеристикой: «Володимеръ бо такъ бяше любезнивь: любовь имея к митрополитом, и къ епископомъ и къ игуменом, паче же и чернечьскый чинъ любя, и черници любя, приходящая к нему напиташе и напаяше, акы мати дети своя. Аще кого видяше ли шюмна, ли в коем зазоре, не осудяше, но вся на любовь прекладаше и утешаше» [Памятники, 1978, с. 256]. Оклеветанный Святополком и южнорусскими князьями Мономах в данном тексте повести не просто возвышен, но, на фоне снижения образа Василька, представлен, по сути, главным героем повести. Иными словами, автор производит в образном плане своего произведения своего рода рокировку: на первый план выдвигает образ Владимира Мономаха (поскольку был его ближайшим сотрудником по II редакции ПВЛ, подобный образный приём выглядит более чем ожидаемым). Интересно отследить некоторые литературные приёмы работы автора повести о Васильке Ростиславиче игумена Василия. Например, в том же эпизоде 3-й кульминации, где речь идёт о Владимире Мономахе, он вводит рассказ о посольстве киевлян с целью замирения Мономаха: в нём участвует митрополит и старая княгиня мать Мономаха: «Всеволожая же и митрополитъ придоста к Володимеру и молистася ему, и поведаста молбу кыянь, яко творити миръ, и блюсти земле Русьские...» [Памятники, 1978, с. 254]. Безусловно, игумену Василию был хорошо знаком текст Несторова жития Феодосия Печерского, где видное место занимает женский образ матери Феодосия. Приведённый эпизод повести говорит, что составители II редакции ПВЛ выборочно относились к творениям Нестора: что-то редактировали, исключали, что-то использовали. Поднимая образ своего кня-

зя-патрона по работе над ПВЛ, игумен Василий выделил и образ его матери, говоря о реакции Мономаха: «И преклонися на молбу княгинину, чтяшеть ю акы матеръ, отца ради своего, бе бо любим отцю своему повелику, и в животе и по смерти не ослушаяся его ни в чем же; темже и послуша ея, акы матере, и митрополита тако же, чтяше санъ святительскый, не преслуша молбы его» [Памятники, 1978, с. 254–256].

Другой женский образ (а русская литература и затем богата выразительными женскими образами) введён в повесть Василия во второй кульминации, – это образ Попадьи [Памятники, 1978, с. 252]. Она встречает телегу с ослеплённым героем, ей дают стирать его окровавленную сорочку, она плачет и её плач как бы выкликает героя из смерти, он приходит в себя и возвращается к жизни (здесь введена ещё тема воды, соотносительная своим живоносным характером с женским образом, – герою дают пить воды). Здесь автор не только вводит значимый в русской литературе женский образ, спасительный по своему характеру (вспомним женские образы, излюбленные авторами русских романов XIX века). Игумен Василий обращается в обсуждаемом эпизоде к великому празднику православного календаря Воздвижению Честнаго и Животворящего Креста Господня. Характерно, что к этому же текстовому приёму прибегает и Никон Великий в его повести 1068 года о киевском восстании и вокняжении Всеслава Полоцкого [Библиотека, Т. 1, 1997, с. 208–214]. В тексте повести Василия упоминается «мосьт Звиженьскый», событие «въ Звиждени городе». Именно здесь герой Василько, ослеплённый, снова возвращается к жизни [Памятники, 1978, с. 252].

В повести Никона Великого (ПВЛ под 1068 год) киевляне, восстав, изгоняют великого князя Изяслава, освобождают полоцкого князя Всеслава из поруба, прославляют его великим князем на княжом дворе. Никон на стороне восставших киевлян, поскольку Изяслав ранее нарушил крестное целование к Всеславу, заключив его в тюрьму. Никон Великий далее создаёт текст во славу Креста Господня, утвердившего справедливость: «Всеслав же седе Кыеве. Се же Богъ яви силу крестную: понеже Изяславъ целовавъ крестъ и я и; темже наведе Богъ поганья, сего же яве избави крестъ честный. В день бо Въздвиженья Всеславъ, вздохнувъ, рече: «О кресте честный! Понеже к тебе веровах, избави мя от рва сего». Богъ же показа силу крестную на показанье земле Русьстей, да не преступають честнаго креста,

целовавше его; аще ли преступитъ кто, то и zde прииметь казнь и на придущемъ веце казнь вечную. Понеже велика есть сила крестная: крестомъ бо побежени бывають силы бесовьския, крестъ бо князем в бранех пособить, въ бранех крестомъ согражаеми вернии людье побежають супостаты противныя, крестъ бо вскоре избавляеть от напастий призывающим его с верою. Ничтоже ся боять беси, токмо креста. Аще бо бывають от бесъ мечтанья, знаменавше лице крестомъ, прогоними бывають. Всеслав же седе Кыеве месяцъ 7» [Памятники, 1978, с. 186].

Автор повести о Васильке Ростиславиче Василии во вступлении, говоря о собравшихся в Любече князьях, пишет: «И на том целоваша крест: «Да аще кто отселе на кого будет, то на того будем вси и крест честный». Рекоша вси: «Да будет на нь крестъ честный и вся земля Русьская». И целовавшиися поидоша в свояси» [Памятники, 1978, с. 248]. Повесть построена на сюжете крестоцелования, то есть крестной клятвы князей, прежде всего, Святополка Киевского и Давыда Владимир-Волынского. Эпизоды ослепления князя Василька Ростиславича без вины составляют тексты кульминации повести, мотив креста проходит лейтмотивом через всё произведение. Уже говорилось о теме Воздвиженья Креста во второй кульминации с образом Попадья [Памятники, 1978, с. 252], а также в третьей кульминации в связи с образом Владимира Мономаха [Памятники, 1978, с. 254]. Своего рода восклицательный знак в повести в её финале опять многократно повторяет мотив Креста: «Святополк же... поиде на ня. Се слышавъ Володаръ и Василко, поидоста противу, взявша крестъ, его же бе целоваль к нима на сем, яко «На Давыда пришелъ есмъ, а с вама хочю имети миръ и любовь». И преступи Святополкъ крестъ, надеяся на множество вой. И сретошася на поли на Рожни, исполчившимся обоим, и Василко възвыси крестъ, глаголя, яко «Сего еси целоваль, се перьвее взялъ еси зракъ очью моею, а се ныне хочещи взяти душу мою. Да буди межи нами крестъ съ». И поидоша к собе к боеви, и сступишася полци и мнози человеци благовернии видеша крестъ над Василковы вои възвышься велми. Брани же велице бывши и мноземъ падающим от обою полку, и видевь Святополкъ, яко люта брань, и побеже, и прибеже Володимерю. Володаръ же и Василко, победивша, стага ту...» [Памятники, 1978, с. 260–262].

Игумен Василий (один из главных авторов команды Владимира Мономаха и Сильвестра II

редакции ПВЛ) в своём тексте, как следует из вышеприведённого, опирается на тексты Никона Великого, как своего главного литературного предшественника. Сам Владимир Мономах в своём «Поучении», например, вводит выразительный женский образ жены погибшего сына, сравнивая её с горлицей, плачущей на сухом древе вдовства [Памятники, 1978, с. 412]. Совершенно справедливо В. П. Адрианова-Перетц и В. Л. Комарович в своей статье о ПВЛ в I томе «Истории русской литературы» 1941 года пишут, что авторы II редакции ПВЛ, «выдубецкие редакторы и близкий к ним Мономах широко и смело пользовались народным разговорным языком, тогда как печерские летописцы, особенно Нестор склонялись к речи книжной, отчасти даже искусственной, щеголевато украшенной грецизмами в области лексики и славянизмами в области синтаксиса» [Комарович, 1941, с. 279–284]. В. Л. Комарович пишет: «Выдубецкие летописцы оказались призванными отразить в летописи язык, мировоззрение и политические интересы именно этой среды, созревшей в качестве верхнего культурного слоя Киевского государства как раз к началу XII в., когда летописное дело перешло в созданный этой средой Выдубецкий монастырь. Тут впервые летопись стала княжеской, сумев остаться в то же время народной» [Адрианова-Перетц, 1941, с. 284–288]. В. П. Адрианова-Перетц особенно настаивала на том, что возникновение русской литературы связано со своеобразным оплодотворением книжно-византийских основ раннехристианской литературной письменности Руси устной легендой, светскими, народными источниками [Адрианова-Перетц, 1941, с. 284–288]. Этим установкам В. П. Адриановой-Перетц, как своему учителю, следовал и Д. С. Лихачёв, который в 1940-х, особенно в 1950-х годов создал целую серию работ, посвящённых фольклорной тематике и связям древнерусской литературы и фольклора.

Ещё А. А. Шахматов [Шахматов, 2001], а затем и его последователи [Лихачёв, 1950, с. 5–148] писали о том, что Никон Великий в своём летописании широко пользовался устными рассказами, сообщениями, в том числе легендарного характера, полученными от боярина Вышаты. Он, как и сам Никон Великий, бежал из Киева а Тмуторокань от противоречий с великим киевским князем Святославом Ярославичем. Такого же рода совсем не книжные, а устно-легендарные сведения предоставлял автору уже не первого, а второго Киево-Печерского свода Иоанну сын бо-

ярина Вышаты, тоже видная фигура околукняжеского круга Ян Вышатич. Именно он составил основу тех летописных материалов, которые преобладали в Начальной летописи, то есть, во II Киево-Печерском своде 1093–1095 годов. В отличие от Нестора и его I редакции ПВЛ с её книжно-письменными материалами из истории ранней Руси, I-й и II-й Киево-Печерские своды Никона Великого и Иоанна были по своему характеру уже собственно литературными произведениями с богатой светской, устно-легендарной составляющей. Именно такую тенденцию, в отличие от летописи Нестора (тенденциозно зависимой от патронажа, а потому – прославления великого киевского князя Святополка Изяславича). Редактируя предшествующий свод ПВЛ Нестора, команда Владимира Мономаха была по сути командой литераторов, ориентируясь на светско-литературные особенности как произведения своего патрона, Владимира Мономаха в его «Поучении», так и на подобные же литературные особенности, тенденции материала тех летописных сводов XI века Никона Великого и Иоанна, которые они широко использовали, привлекали во II-ю редакцию ПВЛ.

Действительно, мотивы народной культуры встречаются и в «Поучении» Мономаха («на санех седея», «сядет акы горлица, на сусе древе желеюче») [Памятники, 1978, с. 412], и в «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича» игумена Василия: женские образы матери Мономаха [Памятники, 1978, с. 254], а также Попадья [Памятники, 1978, с. 252], выкликающей своим плачем героя из смерти. К банку мирового фольклора и ритуала относится мотив «прачек у брода», – эпизод повести Василия о Попадье, стирающей окровавленную сорочку Василька у Звижденского моста, то есть в реке. И сам мотив «моста» [Памятники, 1978, с. 252] также относится к древнейшим фольклорным традициям, которыми широко пользовались авторы Владимира Мономаха, создавая, по сути, первые произведения светской русской литературы (несмотря на сугубо христианские образы-символы, как, например, образ-лейтмотив Креста). К тем же народно-фольклорным традициям, ритуалу относится и образ бани, который введён в текст «Повести о Васильке Ростиславиче». В первой кульминации ослепление героя происходит в «истобке малой» [Памятники, 1978, с. 252], где наёмные палачи, конюхи и овчары Святополка Изяславича, чтобы преодолеть сопротивление героя, снимают доски с печи и ими как бы припечатывают

его к полу. Ясно, что в обычной избе никаких досок на печи не бывает, но они всегда существуют в бане, то есть в отмеченной «истобке малой». Именно в этом строении в традициях фольклорного ритуала и происходят обычно самые страшные гадания, заклинания, проклятия, наветы. Автор повести именно в этом эпизоде, желая поразить читателя ужасом ослепления героя, сгущает краски, в деталях описывая подробности злодеяния. Всё это в действительности уже соответствовало популярному затем в русской литературе сюжету «преступления и наказания».

Интересно, почему II редакция ПВЛ, её авторы-составители сохранили заглавие Несторовой I редакции ПВЛ, несмотря на более, чем критичное к ней отношение. Вот это заглавие: «Се повесть времяньных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто въ Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть» [Памятники, 1978, с. 23]. Название Киево-Печерской II летописи (Начальной летописи) было проигнорировано, несмотря на в целом апологетичное отношение к этим текстам. Вот это название: «Времяник, иже нарицается летописание Русьских князь и земля Русьская, и како избъра Бог страну нашу на последнее время и гради почаша бывати по местом, преже Новгородская волость, и по томь Киевская и о статии Киева, како въименовая Киев» [Лихачёв, 1950, с. 5–248]. Что такого привлекло книжников Владимира Мономаха в Несторовом заглавии ПВЛ в отличие от Начального свода? И там, и там речь идёт о Киеве. Однако, в заглавии Нестора не только дважды упомянута «Русская земля», но трижды повторена тема истоков Руси. Это слово (и смысл), видимо, привлекло особое внимание книжников Владимира Мономаха. Действительно, эти тексты говорят о началах Русской земли, Руси, но II редакция ПВЛ явно претендует в своём тексте не только на начала исторические, но также и начала русской литературы, как таковой, на начала литературного характера. Совсем не случайно в свод Сильвестра 1116/1117 г. включено и «Поучение» Владимира Мономаха, автобиографически-литературный текст и послание к князьям Руси, всем читателям и потомкам, а также литературно-эпопейного характера драматическая повесть игумена Василия об ослеплении князя Василька Ростиславича Тербовльского. Это не просто крупные литературные тексты, но – обладающие значительным литературным новаторством, обращённые не только к прошлым или актуальным событиям Руси, но – в будущее, в

перспективу грядущего развития русской литературы [Лихачёв, 1975, с. 22–111].

Что же понимали авторы II редакции ПВЛ под истоками? Не то что обычно, когда на этот вопрос отвечают под углом историческим. Да и сами своды ПВЛ обычно именуется не иначе, как летописание, то есть тексты исторического характера, исторические источники. Но включение во II редакцию ПВЛ «Поучения» Мономаха и «Повести» Василия с их явными литературными достоинствами (и не только их) заставляет видеть в этом монументальном тексте произведение литературного характера. Д. С. Лихачёв усматривал здесь именно литературный стиль «монументального» или динамического «характера». Выше уже говорилось, что и В. П. Адрианова-Перетц, и В. Л. Комарович, а вслед за ними Д. С. Лихачёв противопоставляли сугубо книжную установку текстов Нестора иным особенностям литературного стиля писателей коллектива Владимира Мономаха. Эти особенности характеризовались участием не только книжно-византийского, но, прежде всего, своеземного, традиционно-русского, порой архаического, порой народного компонента, начала. Разумеется, в обоих случаях существовала опора на христианско-средневековые начала (сотворение мира Богом, базовые начала христианского мировоззрения). В особенности, на этих началах делал акцент Владимир Мономах в своём «Поучении», видя в них новые этические основы междукняжеских отношений. Но выше уже приводились тексты Мономаха, где народно-культурные, собственно древнерусские начала фигурировали весьма ярко и значимо. Д. С. Лихачёв в своих работах 1940-х и 1950-х годов делал акцент именно на эти народно-культурные, древнерусские в основах начала, в особенности, II редакции ПВЛ. Здесь он усматривал те самые черты древнерусской литературной оригинальности, самобытности, которые привели к концу XII века, к появлению такой жемчужины оригинальной древнерусской литературы и поэзии, каким является «Слово о полку Игореве». Именно Д. С. Лихачёву принадлежит фраза, что автор «Слова о полку Игореве» был внимательным читателем «Повести временных лет» [Филипповский, 2008, с. 83]. Нельзя не упомянуть высказывания крупнейших специалистов по теме истоков русской литературы. Например, Н. К. Гудзий: «Древнерусская литература была начальным этапом в развитии великой русской литературы, приобретшей мировое значение» [Гудзий, 1956, с. 4]. Или, напри-

мер, высказывание ученика Н. К. Гудзиев В. В. Кускова: «Русская средневековая литература является начальным этапом развития русской литературы» [Кусков, 1989, с. 4]. В подобном же роде высказывается Д. С. Лихачёв: «В древнерусской литературе находятся истоки... русской литературы нового времени» [Лихачёв, 1980, с. 4]. В данном случае принципиально важное слово «начала» учёный заменяет на не менее важный синоним «истоки». Характерно, что вообще не отвергающий термина «средневековая литература» Д. С. Лихачёв употребляет также термин «древнерусская литература». В своё время, 1952 году Д. С. Лихачёв опубликовал монографию «Возникновение русской литературы» (несмотря на некоторое критическое впоследствии отношение к своей книге, Д. С. Лихачёв, в целом, признавал её важное значение). А значение её связано как раз с темой начал и истоков и древнерусской литературы, и русской литературы в целом. И роль II редакции ПВЛ в этом перво-степенна.

В чём же разница между Древнейшим киевским летописным сводом, а также «Словом о Законе и Благодати» митрополита Илариона, произведениями эпохи Ярослава Мудрого, и II редакцией ПВЛ эпохи Владимира Мономаха с точки зрения темы истоков? Оба памятника, несомненно, имели к этому прямое отношение. Но несколько по-разному. Тексты эпохи Ярослава Мудрого утверждали новое христианское самосознание Руси с точки зрения приобщения её к мировой семье христианских народов. Не случайно упомянуты Иларионом имена князя Владимира Святославича как крестителя Руси, а также его сына Ярослава, киевских князей, которые утверждали и новую веру, и новое просвещение, и новую государственность Руси [Библиотека, Т. 1, 1997, с. 42–44]. Вторая редакция ПВЛ Владимира Мономаха утверждала самосознание Руси уже с точки зрения обретения ею собственной литературы, то есть литературное самосознание Руси. Была создана литературно-историческая эпопея не только начальной Руси, но и Руси, обращённой в будущее, заложен подлинный литературный фундамент будущего развития. Именно тогда по воле Владимира Мономаха и его сотрудников произошло то, что Д. С. Лихачёв назвал «возникновением русской литературы». Можно считать, что основными принципами выбора игуменом Сильвестром, Владимиром Мономахом и игуменом Василием Несторовым заглавия для II редакции ПВЛ стали

собственно литературные критерии: 1. формульность заглавия (ПВЛ); 2. наличие в этой формульности жанрового литературного компонента («Повесть...»); 3. литературный символизм мотива истоков (троичный символизм повтора темы начал, истоков Руси); 4. двоичный, знаковый повтор темы «Русской земли» в этом заглавии, – в текстах эпохи Владимира Мономаха эта тема чаще всего выступает в качестве главного героя различных произведений.

Опять же, подобного рода критерии литературной поэтики присущи образности «Слова о полку Игореве». Здесь образ Русской земли явно выступает в роли главного героя поэмы (как это было в «Повести об ослеплении Василька Ростиславича»). Вообще, поэтика повторов, которую исследовали Н. С. Демкова и Д. С. Лихачёв, чрезвычайно характерна для «Слова о полку Игореве». Так что, повторим мысль Д. С. Лихачёва о том, что автор «Слова о полку Игореве» был внимательным читателем «Повести временных лет». Такой знаменитый эпизод «Слова» как «плач Ярославны» прямо восходит, соотносится с эпизодом плача Попадьи в повести игумена Василия из II редакции ПВЛ. Вообще, мотив возвращения [Филипповский, 2008, с. 70–82], как магистральный в композиции «Слова о полку Игореве» прямо следует подобным же литературным мотивам, начиная с текстов Никона Великого, Иоанна, летописца Начального свода, и, конечно, II Мономаховой редакции ПВЛ. Само «Поучение» Мономаха также следует композиционному плану мотива возвращения. Действительно, в начале этого текста автор говорит о закате своей жизни («седя на санех» [Памятники, 1978, с. 393], – на пороге смерти), то есть, последнем десятилетии жизни князя (1115–1125), о событиях 1098–1099 гг., непосредственно следующих за временем съезда в Любече 1097 года. В то же время, финальная третья часть «Поучения», письмо-послание к князю Олегу Святославичу (взятое из княжеского архива) [Памятники, 1978, с. 410–412], датируется 1096 годом. Налицо использование Мономахом-автором сюжетно-композиционного мотива возвращения.

Заключение

Литературно-образное начало, присущее II редакции ПВЛ придавало историческим текстам о ранней Руси особое, глубинное содержание (наряду с христианской глубиной), делая эти тексты для читателя особо родными и близкими. Византийско-христианская библейская книжная истина и учёность [Аверинцев, 1984, с. 272–330;

Бычков, 1984, с. 504–545; Каждан, 1997] связались, сплывались здесь с русской почвой, своими традициями и легендами, «русским духом». Именно этот сплав породил то, что мы обычно называем русской литературой, с её своеобразием и неповторимостью, а вместе с тем – мировыми ценностями и значением. Приёмы образно-художественной речи и в сфере лексики, и синтаксиса (особенно в повести о Васильке Ростиславиче игумена Василия) оказались сплавлены с искусством сюжетно-композиционного плана. Авторские художественные приёмы в повести одновременно и оригинальны, и как бы «на вырост», на литературную перспективу будущего. Уже здесь можно говорить об авторских литературно-художественных исканиях, то есть поиске, динамике, развитии. **Здесь надо видеть начала сюжетного повествования в русской литературе** [Творогов, 1970, с. 31–36]. Многое здесь значительно опережало своё время (как это часто бывало в русской литературе впоследствии). Владимир Мономах в своём «Поучении» преодолевает рамки элитарности, говоря что его произведение написано не только для князей: «Да, дети мои, или инь кто, слышавъ сю грамотицю... а приметь е в сердце свое, и не ленитися начнеть, тако же и тружатися» [Памятники, 1978, с. 393] (имеется в виду, конечно, труд духовный). На ту же широкую аудиторию (в том числе, будущего читателя) рассчитана и повесть игумена Василия о Васильке Ростиславиче и Владимире Мономахе. Остаётся только сожалеть, что выдающийся литературный диптих «Поучения» Мономаха и «Повести» игумена Василия до сих пор не издан академически, с полноценной текстологией, статьями и комментариями в серии «Литературные памятники».

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Эволюция философской мысли. Литература // Культура Византии. IV – первая половина VII в. Москва : Наука, 1984. С. 42–77; 272–330.
2. Адрианова-Перетц В. П. Повесть временных лет // История русской литературы. Т. I. Литература XI – начала XIII вв. Москва; Ленинград : изд. АН СССР, 1941. С. 257–258; 261–279; 284–288.
3. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII вв. / ред. Д. С. Лихачёв, О. В. Творогов. Санкт-Петербург : Наука, 1997. 543с.
4. Бугославский С. А. Повесть временных лет (списки, редакции и, первоначальный текст) // Старинная русская повесть. Статьи и исследования / ред. Н. К. Гудзий. Москва; Ленинград : изд. АН СССР, 1941. С. 7–37.

5. Бычков В. В. Формирование основных принципов византийской эстетики // Культура Византии. IV – первая половина VII в. Москва : Наука, 1984. С. 504–545.
6. Гудзий Н. К. История древней русской литературы. 6-е изд. Москва : Гос. Учеб.-пед. Изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956. 511 с.
7. Каждан А. П. Византийская культура. Санкт-Петербург : Алетейя, 1977. 280 с.
8. Комарович В. Л. Повесть временных лет // История русской литературы. Т. I. Литература XI – начала XIII вв. / ред. А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, А. К. Гудзий. Москва; Ленинград : изд. АН СССР, 1941. С. 258–261; 267–270; 279–284.
9. Кусков В. В. История древнерусской литературы. 5-е изд. Москва : Высшая школа, 1989. 304 с.
10. Кусков В. В. Характер средневекового мировоззрения и система жанров древнерусской литературы XI – первая половина XIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 1, 1981. С. 3–12.
11. Лихачёв Д. С. Повесть временных лет // Лихачёв Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. Москва : Современник, 1975. С. 22–111.
12. Лихачёв Д. С. Повесть временных лет (историко-литературный очерк) // Повесть временных лет («Литературные памятники»). Ч. II. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачёва / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Москва; Ленинград, 1950. С. 5–148.
13. Лихачёв Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Ленинград : изд. АН СССР, 1947. 430 с.
14. Памятники литературы Древней Руси. II – начало XII вв. / ред. Д. С. Лихачёв, О. В. Творогов. Москва : Художественная литература, 1978. 464 с.
15. Присёлков М. Д. История русского летописания XI–XIV вв. Ленинград : изд-во АН СССР, 1940. С. 16–44; 104–168.
16. Творогов О. В. Повесть временных лет // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в. / ред. Д. С. Лихачёв. Ленинград : Наука, 1987. С. 337–343.
17. Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 30. 1976. С. 3–26.
18. Творогов О. В. Сюжетное повествование в летописях XI–XIII вв. // Истоки русской биллетристики. Ленинград : Наука, 1970. С. 31–66.
19. Филипповский Г. Ю. Динамическая поэтика русской литературы. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2008. С. 10–23; 70–104; 162–168.
20. Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. Москва : Наука, 2001. 508 с.
- Kul'tura Vizantii. IV – pervaja polovina VII v. Moskva : Nauka, 1984. S. 42–77; 272–330.
2. Adrianova-Peretc V. P. Povest' vremennyh let = The Tale of Bygone Years // Istorija russkoj literatury. T. I. Literatura XI – nachala XIII vv. Moskva; Leningrad : izd. AN SSSR, 1941. S. 257–258; 261–279; 284–288.
3. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 1. XI–XII vv. = Library of Ancient Rus Literature. V. 1. XI–XII cc. / red. D. S. Lihachjov, O. V. Tvorogov. Sankt-Peterburg : Nauka, 1997. 543s.
4. Bugoslavskij S. A. Povest' vremennyh let (spiski, redakcii i, pervonachal'nyj tekst) = The Tale of Bygone Years (copies, editions and original text) // Starinnaja russkaja povest'. Stat'i i issledovanija / red. N. K. Gudzij. Moskva; Leningrad : izd. AN SSSR, 1941. S. 7–37.
5. Bychkov V. V. Formirovanie osnovnyh principov vizantijskoj jestetiki = Forming the basic principles of Byzantine aesthetics // Kul'tura Vizantii. IV – pervaja polovina VII v. Moskva : Nauka, 1984. S. 504–545.
6. Gudzij N. K. Istorija drevnej russkoj literatury = The History of Ancient Russian Literature. 6-e izd. Moskva : Gos. Ucheb.-ped. Izd-vo Ministerstva prosveshhenija RSFSR, 1956. 511 s.
7. Kazhdan A. P. Vizantijskaja kul'tura = Byzantine culture. Sankt-Peterburg : Aletejja, 1977. 280 s.
8. Komarovich V. L. Povest' vremennyh let = The Tale of Bygone Years // Istorija russkoj literatury. T. I. Literatura XI – nachala XIII vv. / red. A. S. Orlov, V. P. Adrianova-Peretc, A. K. Gudzij. Moskva; Leningrad : izd. AN SSSR, 1941. S. 258–261; 267–270; 279–284.
9. Kuskov V. V. Istorija drevnerusskoj literatury = The History of Ancient Russian Literature. 5-e izd. Moskva : Vysshaja shkola, 1989. 304 s.
10. Kuskov V. V. Charakter srednevekovogo mirovozzrenija i sistema zhanrov drevnerusskoj literatury XI – pervaja polovina XIII vv. = The nature of the medieval worldview and the genre system of Old Russian literature in XI – the first half of XIII centuries // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija. № 1, 1981. S. 3–12.
11. Lihachjov D. S. Povest' vremennyh let = The Tale of Bygone Years // Lihachjov D. S. Velikoe nasledie. Klassicheskie proizvedenija literatury Drevnej Rusi. Moskva : Sovremennik, 1975. S. 22–111.
12. Lihachjov D. S. Povest' vremennyh let (istoriko-literaturnyj ocherk) = The Tale of Bygone Years (historical and literary essay) // Povest' vremennyh let («Literaturnye pamjatniki»). Ch. II. Prilozhenija. Stat'i i kommentarii D. S. Lihachjova / pod red. V. P. Adrianovoj-Peretc. Moskva; Leningrad, 1950. S. 5–148.
13. Lihachjov D. S. Russkie letopisi i ih kul'turno-istoricheskoe znachenie = Russian chronicles and their cultural and historical significance. Leningrad : izd. AN SSSR, 1947. 430 s.
14. Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. II – nachalo XII vv. = Literary monuments of Ancient Russia. II – beginning of XII centuries / red. D. S. Lihachjov, O. V.

Reference list

1. Averincev S. S. Jevoljucija filosofskoj mysli. Literatura = The evolution of philosophic thought. Literature //

Tvorogov. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1978. 464 s.

15. Prisljolkov M. D. Istorija russkogo letopisanija XI–XIV vv. = History of Russian chronicle writing XI–XIV cc. Leningrad : izd-vo AN SSSR, 1940. S. 16–44; 104–168.

16. Tvorogov O. V. Povest' vremennyh let = The Tale of Bygone Years // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. XI – pervaja polovina XIV v. / red. D. S. Lihachjov. Leningrad : Nauka, 1987. S. 337–343.

17. Tvorogov O. V. Povest' vremennyh let i Nachal'nyj svod = The Tale of Bygone Years and the Initial

Chronicle // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. T. 30. 1976. S. 3–26.

18. Tvorogov O. V. Sjuzhetnoe povestvovanie v letopisjah XI–XIII vv. = Narrative in chronicles of XI–XIII cc. // Istoki russkoj billetistiki. Leningrad : Nauka, 1970. S. 31–66.

19. Filippovskij G. Ju. Dinamicheskaja pojetika russkoj literatury = Dynamic poetics of Russian literature. Sankt-Peterburg : Dmitrij Bulanin, 2008. S. 10–23; 70–104; 162–168.

20. Shahmatov A. A. Razyskanija o russkih letopisjah = Studies on Russian chronicles. Moskva : Nauka, 2001. 508 s.

Статья поступила в редакцию 15.12.2023; одобрена после рецензирования 11.01.2024; принята к публикации 02.02.2024.

The article was submitted on 15.12.2023; approved after reviewing 11.01.2024; accepted for publication on 02.02.2024